

с мифом теории относительности, за которую Эйнштейн якобы был удостоен Нобелевской премии... Совершенно бесполезное занятие, как подсчет опавших листьев со спиленной сосны. Да-да, именно листьев, ибо в мифе сосна запросто может обрести листьями, а клён — иголками. В Лукоморье, то бишь в стране Вий, всё возможно...

Воистину прав Достоевский, воскликнувший: «Пушкин — наше всё!».

И абсолютно прав семилетний мальчуган, внук 666-го прокуратора Иудеи Краснера Кренкеля Понтия Пилата, ответивший на мой idiotский вопрос: «Кто лежит в Мавзолее на Красной площади?» — «Пушкин, кто ж ещё!..».

Думается, комментарию излишни — и, слава Богу, что Пушкин по-прежнему наше всё!.. Хотя кое-кто уже иное бормочет... И очень жаль, что у бедного еврейского мальчика, внука 666-го прокуратора Иудеи, бутерброд всегда падает маслом вниз, потому что намазан с двух сторон. Мог бы и набок падать ради правды и справедливости, дабы никто не упрекал закон всемирного тяготения в антисемитизме.

Историческими мифами мы вроде немного разобрались... Но смутно всё, невыносимо смутно, как на дне мелкого тухлого пруда, что смердит в центре Москвы ещё с доисторических времён. И хоть как-то, хоть чуть-чуть прояснить тёмные мозги граждан страны Вий, развенчаю один мелкий литературный миф, который я уже пытался разоблачить в своих давних сочинениях. Но «попытка не пытка», как говаривал один великий человек, поэтому попытаюсь ещё раз поведать истину и уничтожить неуничтожимое, т.е. миф.

Об этом мифе я услышал ещё до поступления в Литературный институт им. Горького, что, дескать, в одном учебном заведении работал дворником выдающийся мифотворец Андрей Платонов, поскольку как писатель был запрещён Советской властью. Якобы сам Сталин, прочитав его рассказ «Впрок» поставил резолюцию «Контр-р-революционная сволочь!!!» Об этом нагло, во всю глоть талдычат и талдычат нынешние ведущие «платоноведы» типа некой дамы без камелий Прасковьи Чудаковой и т.п.

Но, как ни странно, после сего «приговора» вождя Андрей Платонов почему-то не был справажен в ГУЛАГ, а остался членом Союза писателей СССР, жил в отдельной двухкомнатной квартире на Тверском бульваре, 25, обочь Литинститута, в отличие от многих лауреатов Сталинских премий, ютившихся в коммуналах, и исправно, вместе с Борисом Леонидычем Пастернаком подписывал так называемые расстрельные письма. И молодец!.. И правильно делал, ибо палачей типа Зиновьева, Каменева, Бухарина, Тухачевского, Ягоды, Ежова и т.д. можно вполне приравнять к палачам Третьего рейха. Чего стоит только одно высказывание Бухарина: «Путём массовидных расстрелов выработать новую человеческую формацию...». Но либералы упорно делают из идеологических палачей и садистских карателей типа Тухачевского, травившего тамбовских крестьян газами, т.н. жертв сталинских репрессий.

Жаль, что на нынешних губителей России, в гигантских размерах разворывающих великую страну, уничтожающих экономику, медицину, образование, науку, культуру и, естественно, человеческие жизни в миллионных масштабах, никак не найдётся товарища Сталина.

Фамилии этих монстров и маньяков общеизвестны. И я без лишних слов подписал бы расстрельные письма в их адрес, ибо русскому писателю бесовестно оставаться в стороне, когда на его глазах уничтожается родная, любимая-нелюбимая, страна. Думаю, что Борис Леонидыч Пастернак и Ан-

дрей Платонов не отказались бы поставить свои подписи в купе со мной.

Вглядитесь в рожи нынешних всепогодных врагов народа, властвующих маньяков и жуликов — это же живые типы преступников Ломброзо, это потопки людоедов Поволжья, это готовые к немедленному действию коменданты Освенцима, Майданека и Дахау!..

Но, но... Укрошаю перо своё, ибо не дело писателя предвирать гнев Божий, и возвращаюсь к мифу об Андрее Платонове.

Здесь всё заведомая ложь в кубе. Никаких документальных свидетельств высказывания вождя в адрес Платонова: «Контр-р-революционная сволочь!» — нет!!! Вряд ли вообще Сталин читал Платонова, это был не его писатель. И никаким дворником Литературного института или ближайшего ЖЭКа Андрей Платонов не числился (желающие могут проверить соответствующие архивы), а был майором победоносной Сталинской армии и спецкором газеты «Красная звезда». Да и кто бы разрешил в те времена члену Союза писателей СССР и майору Политуправления Красной армии работать дворником?! А если, ха-ха-ха, допустить, что всё-таки работал, то значит, был обязан, как дворник, в качестве понятого присутствовать при обысках и ночных арестах на вверенной ему территории, т.е. косвенно участвовать в т.н. сталинских репрессиях, не говоря уже о доносительстве по долгу службы и т.п. И не бедствовал выдающийся писатель, как воют кликуши-платоноведы, а печатался массовыми тиражами в «Военниздате» и получал по ранению вполне приличную майорскую пенсию. А иногда, устав от литературных трудов, выходил на воздух из своей двухкомнатной квартиры на первом этаже, брал в руки веник, а зимой лопату, и добросовестно убирал скверик, прилегающий к его жилью.

В своё время я был знаком с дочерью Андрея Платонова — Мариной. Как-то я спросил у неё: «А где ваш великий отец прятал свои антисоветские рукописи романов «Котлован» и «Чевенгур»? Не зарывал ли их в скверике Литинститута под памятником Герцена?» — «Зачем их было прятать, их все читали... Он их по редакциям носил, то в "Новый мир", то в "Октябрь"... А там сплошные его завистники сидели и не печатали из-за зависти...» — простодушно ответила дочь писателя, не подозревая, что тем самым полностью развенчивает миф о «Контр-р-революционной сволочи».

Мы вместе с Мариной были удостоены литературной премии имени Андрея Платонова, она — известно за что, а я так, между прочим... Помню её презрительный гнев по поводу низведения её великого отца из майора в дворника. Но даже это не могло окоротить некоторых «платоноведов» и лауреатов, вякающих на премиальных торжествах, к месту и не к месту, о дворничьей судьбе писателя. И самое ужасное, что впоследствии Марина Платонова, к сожалению, ныне покойная, сначала робко, а потом всё более настойчиво, под влиянием охолтелых «платоноведов», начала уверять всех, что её великий отец был дворником.

Вот так-то, дорогие мои, нехорошие!!! Такова сила мифа, а вернее, лжи. И если Бог не в силе, а в правде, то ложь всегда в силе — и да простится мне столь неловкое высказывание.

На исповедь мне надо, на исповедь!!!

Отец Геннадий, где ты родимый?! Отпусти грехи мои скорбные!!!

Вон сколько страниц я намолотил на потребу обывателям, которым, как ты грустно считаешь, непонятны мои сочинения. Да плевать на них! Что ты за них переживаешь?! Я пишу исключительно для таких, как ты, — и для себя многогрешного. Обывателями и церковная служба в тягость, обывате-

лям большей частью интересна только ложь да сплетни.

«И мальчики кровавые в глазах!..». И молчание, молчание, молчание!!! Ибо суетное слово плодит ложь, а ложь полнит силой слово неверное.

Уф, устал я, однако! И от мифов неуничтожимых, и от себя — немого борца с неуничтожимым. Я отчётливо понимаю, что, хоть гресни, но Иван Грозный всё равно останется убийцей своего сына, Сальери — отравителем Моцарта, а Платонов пребудет в чине дворника Литинститута им. Горького до окончания времён последних. Но, но, но всё-таки на что-то тупо и упорно надеюсь... Сам не знаю, на что и на кого... Может, на Страшного человека, о котором я как-то подзабыл в горячке мифоразоблачительства, но который, слава Богу, величественно существует вне моего воспалённого воображения, ибо он — явление вневременное.

А о нынче все мы во временах последних. И выхожу я из метро «Охотный ряд» к Красной площади, а супротив Госдумы безумная женщина в седой, как вековая паутина, старорежимной шали, почти скрывающей тёмное, нехорошее лицо, осатанело выкрикивает:

«Не убирайте Ленина из Мавзоля!!!».

Нет-нет, я не оговорился, именно из Мавзоля, а не из Мавзолея.

— Чего орёшь, дура?! — с горькой усмешкой вопрошаю я.

Женщина не обращает ни малейшего внимания на мои слова и продолжает истошно вопить:

«Не убирайте Ленина из Мавзоля!!!»

— Ты, дура, разве не знаешь, что в Мавзолее давно лежит не Ленин, а Пушкин?! — без надежды быть услышанным, лукаво говорю я.

И вдруг неотчётливое, безумное лицо почти выскакивает из-под паутины шали и женщина с несокрушимой бесовской страстью, махая верблужьими руками, во всю глоть вопит:

Не убирайте Пушкина из Мавзоля!!!

Не убирайте Пушкина из Мавзоля!!!

Не убирайте Пушкина из Мавзоля!!!

Я торопливо отступаю от безумного существа, почти наткнувшись на пышную девицу, буквально висающую на худеньком зелёном лейтенантике, и слышу:

— Во, Петенька, оказывается, теперь в Мавзолее вместо Ленина Пушкин лежит!.. А я и не знала...

— И правильно, что Пушкин!.. Давно пора, ведь как-никак камер-юнкер, наш брат военный, реальный пацан... — одобряет Петенька, и влюблённые растворяются в толпе.

«И мальчики кровавые в глазах!..».

Я с ужасом понимаю, что ещё мгновение — и чудовищное энергетическое поле мифа поглотит меня без остатка, ибо уже мерещится Ленин, загримированный под Пушкина, и надишь на Мавзолее «А.С. Пушкин». Но сверху силен я, словно проваливаясь в самого себя, отстраняюсь от необъяснимой действительности, успеваю последить подумать: «Дайте мне ещё лет пятьдесят жизни, и я вам такой миф сотворю!.. Но кто ж мне даст эти пятьдесят лет?! Да и нужны ли они?! Мне и двенадцати лет за глаза хватит... И не человеческое это дело назначать себе сроки...».

Образ Божий в каждом из нас, но несовершенен человек, хранящий в себе Образ Сей. Но когда Образ Божий обретёт в человеке совершенство, то сбудется всё завещанное Господом нашим Иисусом Христом — и времена последние обратятся вечностью, светоносные листья древа жизни исцелят страждущих, безбрежная река жизни омоет души многогрешного. Обывателями и церковная служба в тягость, обывате-

После войны воздушной

За пределом земной тишины —
Умирают глаголы.
Эхо дальней воздушной войны —
Опадает на доли.

А за долами дыбится лес,
Эху тёмному внемля...
И никто с опалённых небес
Не вернётся на Землю.

И молчит громоносная высь,
Как земное надгробье.
И всё явное — это не жизнь,
Только злое подобье!..

И спешу я навстречу Судьбе —
На пределе дыхания...
Но моё возвращенье к себе —
За пределом сознания.

Все погибли в воздушной войне,
Всех оплакали доли.
И поют в неземной тишине —
Золотые глаголы.

Без слов

Подожди, если сможешь!
Мы на самом краю...
Но до срока, похоже,
Я себя хороню.

Подожди, моя радость!
Впереди — благодать...
Даже смерти не в тягость —
Жизнь мою подождать.

Никуда я не денусь
До последнего дня!
И в молчанье, надеюсь, —
Ты услышишь меня.

И молчу в круговерти,
И молчу в тишине,
Как молчат после смерти,
Как молчат... на Луне.

Волны молодости

*Бог берёт к себе
молодыми тех,
кого любит!*

Волны воют, как звери,
Накрывают, слепя,
Но пока ещё верю,
Что спасусь от себя.

И никто не поможет
В круговерти слепой,
И почти невозможно
Проскочить сквозь прибой.

Сам с собою прощаюсь —
Злую участь кляню!
И на миг укрошает —
Бог убийцу-волну.

И всё ближе земная,
Уходящая жизнь,
Где однажды узнаю:
От себя не спастись!

И на берег безлюдный
Выхожу невредим,
И у Бога не буду —
Никогда молодым...

Зарянка

Златогрудая зарянка —
До чего ж ты хороша!
Ты со мною спозаранку,
Как небесная душа.

А душа моя земная
Тяжелее земли сырой!
И навряд ли в кущах рая
Станет птицей золотой.

Время шаркает сутуло —
И во сне, и наяву...
И зарянка упорхнула —
В неземную синеву.

Эй, зарянка-недотрога,
Возвращайся поутру!
Я вот-вот умру без Бога,
И без Бога не умру...